

**ПЕРЕНОС МОЩЕЙ СВ. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ ИЗ КИЕВА В ПОЛОЦК В 1910 Г.
И ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)¹**

Со второй половины XIX в. большое влияние на настроения населения Северо-Западного края и Российской империи в целом начинает играть периодическая печать. На страницах газет и журналов публиковались не только последние новости и публицистические статьи, но и множество других текстов, способных стать для современного исследователя ценным историческим источником. Говоря о столь громком событии в жизни Северо-Западного края, как перенос мощей Евфросинии Полоцкой, нельзя не отметить многогранность сформировавшейся источниковой базы, сконцентрированной на страницах периодических изданий. Масштаб мероприятия и возросший уровень развития печати привел к появлению на страницах местных газет разнообразной публицистики, краеведческих статей, писем в редакцию, дневниковых записей и путевых заметок. Основная масса текстов представлена в «Губернских ведомостях» (преимущественно Витебских) и «Епархиальных ведомостях» (преимущественно Полоцких), а также в других газетах региона – «Вестнике Виленского православного Свято-Духовского братства» и «Минском слове». Причем если первые три представляли собой стандартные официозные издания с региональной спецификой, то «Минское слово» являлось русской националистической газетой, призванной отстаивать интересы Российской империи на территории Белоруссии, впрочем, особо не противореча правительственному курсу. Особую ценность представляют проповеди и торжественные речи местного православного духовенства и должностных лиц, а также ряд писем, содержащих сведения о ситуации в крае и об эмоциях очевидцев торжества, и дневников, авторы которых (М. Анцев, М. Митроцкий и др.) подробно описывали движение процессии и, что самое ценное, реакцию населения на перенесение реликвии.

Этноконфессиональная обстановка в Северо-Западном крае на начало XX в. была сложной. После так называемого «воссоединения» униатов с православием в 1839 г. значительная часть католиков была обращена в православную веру уже в 1860-ые гг. [5, с. 225–270]. Проводилась политика бесхитростного «возвращения» местного населения к православию, вероятно, исходившая из близкого примордиализму представления об «исконной» принадлежности местного населения к православию, в то время как уния и католицизм воспринимались исключительно как что-то навязанное, от чего людей надо «освободить» [16, с. 245–249]. Однако на деле действия российских властей не решили проблему, а видоизменили ее: вместо открытых униатов и католиков империя получила людей, симпатизирующих католицизму тайно. Традиционализм местного населения, для которого католицизм была частью естественного миропорядка, не позволял многим из местных жителей воспринимать «возвращение» к православной вере как что-то желательное, о чем свидетельствует переход 55. 786 формальных православных в католицизм на протяжении первых пяти лет после разрешения менять православие на другую конфессию в 1905 г. [2, с. 276]. В целом, после 1905 г. позиции православия в Северо-Западном крае ослабли. Более острые формы стало принимать противостояние с католиками, прозелитизм которых порой перерастал в пропаганду польского сепаратизма и мог принимать агрессивные формы [7, с. 6]. Так как религиозная самоидентификация тесно переплеталась с национальной, а польский национализм, многие сторонники которого воспринимали в качестве своей территории в том числе и Северо-Западный край Российской империи, опирался на католицизм, проблема идентичности местного белорусского населения заставляла российские власти искать пути ее решения.

Важную роль в укреплении лояльности местных жителей по отношению к Российской империи предстояло сыграть торжественному переносу мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк. Власти приложили все усилия, чтобы создать подходящие условия для посещения мероприятия как можно большим количеством населения: готовилось жилье и дешевый провиант для прибывающих богомольцев [8, с. 3], распланировались многочисленные крестные ходы из всех сел, лежащих по пути следования мощей [9, с. 3], на торжество свозились учащиеся местных учебных заведений [1, с. 2]. Населением мероприятие тоже не было оставлено без внимания: паломники были невероятно многочисленны, во время транспортировки мощей по Днепру некоторые жители окрестных деревень еще долго бежали за пароходом [13, с. 650].

В целом, в символике торжества и сопряженной с ним пропаганде можно выделить четыре основных «смысловых слоя». Во-первых, перенос мощей призван был утвердить исконность православия на белорусских землях. Католическое влияние выставлялось чем-то чуждым и привне-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21–48–04402): "RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)".

сенным извне, в то время как православие оценивалось как органичная часть жизни местного населения [6, с. 312]. Утверждалось, что предков белорусов заставили забыть свою исконную православную веру, но они продолжали хранить ее в душе, и даже в самые тяжелые годы польской власти память о святой Евфросинии помогала им сохранять преданность православию [6, с. 309]. Особенно подчеркивается тот факт, что православие, связанное с Евфросинией, появилось в Полоцке намного раньше, чем католичество и уния, ассоциируемые с очень популярными на тот момент среди полочан мощами католического святого Андрея Боболи [10, с. 259]. Во-вторых, в связи с переносом реликвии стали фигурировать отсылки к древнерусскому периоду [15, с. 730]. Мощи жившей в XII в. княжны становились подобием «мест памяти» П. Нора, отсылавшим ко вполне конкретной эпохе – эпохе Древней Руси, когда все русские земли, в том числе и Полоцкое княжество, были, согласно официальной точке зрения, в составе одного государства и составляли единое целое. При помощи апелляции к соответствующему историческому периоду до белорусов доносилась идея об их исконной принадлежности к общему русскому государству, прямым продолжением которого была Российская империя. В-третьих, официальная пропаганда апеллировала к династической связи между Евфросинией и Романовыми, позиционирующими себя потоками Рюриковичей, а также Николаем II в частности. Император назывался родственником святой княжны, так как оба они, как предполагалось, вели свой род от святого Владимира [14, с. 651] – еще одной важной фигуры, легитимирующей правящую династию и отсылающей и к исконности православия, и к идее древнерусского единства. В 1910 г. российская монархия уже имела ряд существенных проблем, так что столь мощная апелляция к династической традиции теоретически могла укрепить авторитет императора. Наконец, в-четвертых, имело место подчеркивание белорусской идентичности местных жителей в противовес польской. Белорусская идентичность воспринималась не как нечто несовместимое с русской, а как часть единой этноконфессиональной общности «русский народ», куда входили и великороссы, и малороссы, и белорусы. Цели превратить белорусов в великороссов не было – главным был акцент на «непольскости» белорусского населения. Вероятно, имперские власти исходили из все того же примордиалистского принципа о «природной» принадлежности местного населения к русской народности и православной вере, а также представлений о пассивности местного населения, которое без проблем примет свою «русскость» [3, с. 604]. В среде российской бюрократии прямо высказывались мысли о необходимости развития у белорусов национального самосознания, использованию в церквях белорусского языка и назначения на церковные должности белорусских священников – в противовес «полонизму» [3, с. 602]. Соответственно, в проповедях и речах к жителям встречались призывы вспомнить о том, что они белорусы, а не поляки и приглашение приложиться к мощам не только для православного населения, но и для белорусов-католиков [4, с. 3]. Российская империя сама вносила вклад в укрепление белорусской идентичности. Вероятно, дело здесь в том, что, как отметил А. И. Миллер, империи не обязательно проводить полную унификацию местного населения – достаточно воспитать ту идентичность, которая обеспечивает лояльность по отношению к центральной власти [11, с. 80]. Белорусское самосознание казалось подходящим для этой цели, а неизменно сопряженное с сепаратистскими устремлениями польское – нет.

Указанные «смысловые слои» были восприняты обществом с энтузиазмом, хоть и с неодинаковым. О преданности династии говорилось, в первую очередь, в официальных речах высших иерархов, в то время как среди проповедей местных священников и статей местных публицистов намного большее место занимали именно белорусские мотивы, пусть порой и в связке с упоминанием единого русского народа. То же касается и многочисленных статей, посвященных истории белорусских земель, и сочиненных в честь Евфросинии стихотворений, где она фигурирует как «оплот белорусского страдальца-народа» [12, с. 172].

Итак, Российская империя, преследуя цель усилить лояльность к центральной власти, такими мерами, как способствование переносу мощей почитаемой в регионе святой, в реальности внесла вклад в укрепление белорусской идентичности: произошел рост внимания к истории и культуре страны, Полоцк получил ценную реликвию, претендующую на значимость для всех белорусов без исключения, был нанесен удар по католической пропаганде и по польскому самосознанию, пусть даже в официальной пропаганде белорусские национальные мотивы были не столько целью, сколько средством. В изменившихся политических условиях белорусское национальное самосознание успешно продолжит свое существование уже не как часть общерусской идентичности, а самостоятельно.

1. Анцев, М. Перенесение св. мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Путевые впечатления / М. Анцев // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 139.
2. Бендин, А. Ю. Проблема веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.

3. Викс, Т. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Т. Виск // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. – М. : Новое издательство, 2005. – 696 с.
4. Довгялло, Д. И. Преподобная Евфросиния, моли Бога о нас! / Д. И. Довгялло // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 102.
5. Долбилов, М. Д. «Царская вера»: массовые обращения католиков в православие в Северо-Западном крае Российской империи (1860-ые гг.) / М. Д. Долбилов // Ab Imperio – 2006. – № 4. – С. 225–270.
6. Житие Преподобной Евфросинии, Княжны Полоцкой, Игуменнии Обители свят. Спаса в Полоцке // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1910. – № 12.
7. Издевательства и наглость католиков (письмо в редакцию) // Минское слово. – Минск, 1910. – № 1001.
8. К перенесению мощей // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 71.
9. Крестные ходы // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 105.
10. Матюшенский, А. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1909. – № 16.
11. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм / А. И. Миллер. – М. : Новое литературное обозрение, 2006 – 248 с.
12. Миллер, Е. Н. Пред игуменьей теткой с жаркой мольбой... / Е. Н. Миллер // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – Вильно, 1910. – № 9.
13. Митроцкий, М. Шествие св. мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Полоцк, по Днепру / М. Митроцкий // Киевские епархиальные ведомости. – Киев, 1910.
14. Овсянников, Е. Слово в день Священного Коронования Их Императорских Величеств / Е. Овсянников // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1910. – № 28.
15. Шавельский, Г. На торжестве перенесения мощей преп. Евфросинии в гор. Полоцк / Г. Шавельский // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1910. – № 33.
16. I. К. Страдалцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. – Гродно, 1909. – № 24/25.

Гуларян А. Б.
ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА А. М. СИВЕРСА
КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИЙ

В 2019 году московское издательство «Кучково поле» подготовило и опубликовало хранившиеся в ГА РФ личные дневники генерал-лейтенанта Александра Михайловича Сиверса (1868 г. – после 1931 г.), участника Первой Мировой войны, современника Февральской и Октябрьской революций в России. Издание было осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-19-00279). В книгу вошли дневниковые записи генерала А. М. Сиверса с 19 октября 1916 г. по 31 декабря 1919 г., что сразу делает их важным источником по истории России и Беларуси, на территории которой в 1916–1917 гг. шли ожесточенные военные действия. Представляется, что генерал А. М. Сиверс вел дневник, как минимум, с начала войны, но более ранние тетради дневника, к сожалению, утрачены. Дневник снабжен необходимым научным аппаратом: комментариями, приложениями, именным указателем.

А. М. Сиверс родился 28 декабря 1868 г. в семье генерала от артиллерии Михаила Александровича Сиверса и его жены, Надежды Григорьевны, урожденной Бланк. После окончания Пажеского корпуса Александр Сиверс вышел подпоручиком в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду с прикомандированием к Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде. За тридцать лет службы он прошел все ступени военных чинов: подпоручик гвардии (старшинство с 09.08.1888), поручик (ст. 09.08.1892), штабс-капитан (ст. 02.04.1895), капитан (ст. 05.04.1898), полковник (ст. 28.03.1904), генерал-майор (производство 1911; старшинство с 07.10.1911; за отличие), генерал-лейтенант (производство 23.12.1915; старшинство с 07.10.1915) [4]. Карьере способствовало окончание с хорошей аттестацией Офицерской артиллерийской школы в 1905 г. В служебном отношении карьера А. М. Сиверса связана с двумя подразделениями: Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригадой и 14-й артиллерийской бригадой. Но сам, в своих дневниках А. М. Сиверс связывает себя именно с «Лейб-гвардии Второй», где он был последовательно командиром батареи, командиром дивизиона, и, наконец, командиром самой бригады. В 14-й бригаде он два года проходил необходимый «ценз» командования.

Военная звезда А. М. Сиверса взойшла осенью 1914 г. в боях под Ивангородом, за которые он был награжден орденом Св. Георгия IV степени и представлен к званию генерал-лейтенанта. Как сказано в представлении к награде: *«За то, что с отличным мужеством руководил под сильным огнём блестящими действиями бригады в боях под Ивангородом с 9 по 14 окт. 1914 года, когда, распрелелив батареи, вместе со своей дивизией выдержал всю тяжесть натиска австрийцев на линию Новая Весь, Старая Завада, Коцошки и чрезвычайно метким огнём отразил повторные атаки неприятельской пехоты, принудил к молчанию ряд неприятельских батарей и тем сильно способствовал переходу в наступление и общему успеху боя»* (Высочайший приказ по военному ведомству от 31. 01. 15.) [2]. В апреле 1915 г. А. М. Сиверс назначается исполняющим должность инспектора артиллерии 20-го армейского корпуса, а еще через год, в апреле 1916 г. он стал инспектором